

Ю. А. Дзиццоиты
Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия /
Центр скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, dzicc@mail.ru

А. И. Фалилеев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
a.falileyev@gmail.com

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОСЕТ. *QWAZ*, *QÆWAZ* | *ГÆWANZ* ‘ЛАНЬ’

В статье рассматриваются различные этимологические подходы, использованные в иранистике для изучения осет. *qwaz*, *qæwaz* | *γæwanz* ‘лань’. Слово имеет очевидные параллели в других иранских языках, напр., согд. *γ'wzn* ‘олень’ или ср.-перс. *gw'zn* ‘олень, лань’, ср. также авест. гапакс *gavasna-*. На основании существующих данных более, чем за век, были предложены формально сходные (а иногда и идентичные) реконструкции общеиранского этимона, которые значительно отличаются в деталях. Исследование нацелено на критическое изучение известных решений этой этимологической проблемы.

Ключевые слова: осетинский язык, иранистика, этимология, лексикология, индоевропеистика, история науки.

Yu. A. Dzitsoity
South Ossetian State University, Tskhinval, South Ossetia. dzicc@mal.ru

Alexander Falileyev
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. a.falileyev@gmail.com

A sketch on the history of analysis of Ossetic *qwaz*, *qæwaz* | *γæwanz* ‘doe’

The article considers various etymological approaches applied in Iranian studies to the analysis of Ossetic *qwaz*, *qæwaz* | *γæwanz* ‘doe’. It has apparent parallels in other Iranian languages as in Sogdian *γ'wzn* ‘deer’ or Middle Persian *gw'zn* ‘deer, doe’, cf. also the hapax *gavasna-* in Avesta. More than a century of research has offered a number of formally compatible — and sometimes identical — reconstructions of the underlying Common Iranian etymon. They may be quite different in details, however. These etymologies are critically evaluated in the paper in view of the current progress in Indo-Iranian and Indo-European studies.

Keywords: Ossetic, Iranian linguistics, etymology, lexicology, Indo-European, history of linguistics.

В осетинском языке представлены, как минимум, два названия самок животных, восходящих к общеиранским обозначени-

ям соответствующего вида: *(j)efs* | *æfsæ* ‘кобыла’ и *qwaz* | *ɣæwanz* ‘самка оленя; лань’. Первое из них, несомненно, является рефлексом общеиранского **aśuā-* ‘лошадь, конь’. Конечное *-æ* в дигорской форме свидетельствует о том, что древнеиранский этимон осет. слова имел исход на **-ā*, и соответствовал форме женского рода указанной основы — **aśuā-* (Chung 2008: 275). Название мужской особи данного животного (*bæx*) имеет в осетинском, как и во многих других иранских языках (ЭСИЯ I: 246), вторичное происхождение. Приблизительно такую же картину можно было бы предположить и для осет. слова, означающего ‘самку оленя’, ‘лань’: иронск. *qwaz*, *qæwaz*, дигорск. *ɣæwanz*. Видимые различия между приведенными формами легко объясняются. Соотношение начальных согласных закономерно: иронскому увулярному смычному *q-* в дигорском обычно отвечает спирант *ɣ-*, вместе с которым восходит к древнеиранскому **g-*. Форма *qwaz* возникла из более полной формы *qæwaz* в результате синкопы (ср. ирон. *qwag* ‘недостающий’ при дигор. *ɣæwag* ‘id.’ из *qæwun* | *ɣæwun* ‘быть нужным’, ИЭСОЯ II: 319). Любопытно отметить, что В. Ф. Миллер (см. ниже) зафиксировал для иронского форму *qvazn* (= *qwazn*), что свидетельствует о наличии носового сегмента и в этом диалекте еще в конце XIX века. В дигорской форме *ɣæwanz* этот сегмент подвергся метатезе, как в слове *az* | *anz* ‘год’ из др.-иран. **aznam* (Chung 2008: 217–8). В иронском же произошло либо выпадение сегмента *-n-* (что маловероятно), либо его ассимиляция с последующим сонантом (**zn > *zz*) и опрощение **zz > z*, ср. по поводу *-nz* уже Miller 1903: 36–7. Иранское происхождение осетинского *qwaz* | *ɣæwanz* не вызывает сомнений, но остается ряд нерешенных вопросов, связанных с реконструкцией точного этимона, а также словообразования и исходного значения. Разбору этих вопросов и посвящено настоящее исследование.

Осет. *qwaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz* ‘лань’

В научный обиход осетинское слово ввел, по-видимому, В. Ф. Миллер, который приводит его как *qvazn* и *ɣävanz*; он отмечает, что «к сожалению, эти слова этимологически темны» (Miller 1903: 36). Впервые, насколько нам известно, этимология обозначения лани в осетинском появляется в 1924 г. в работе

шведского исследователя Ярла Шарпантье (1884–1935). Она приводится — помимо прочего — при анализе согд. *y'wzn* ‘олень’, которое, согласно упсальскому ориенталисту, необходимо рассматривать вместе с осетинскими формами и совр. перс. *gavaz*, *gavazn* (и соотв. заимствованием в пушту), (Charpentier 1924: 30). С тех пор осет. *qwaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz* оказалось в кругу слов, означающих оленя *vel sim.* в разных иранских языках, который постепенно в течение двадцатого века расширялся, ср. ср.-перс. *gw'zn* ‘олень, лань’, хорезм. *ɣwz(y)n* ‘олень’, *ɣwzn'n* ‘лань’, хот. *ggūysna-* ‘олень’ и т. д., см. ЭСИЯ III: 207–208; Sadovsky 2017: 574. Работа над этой группой слов позволила установить значение авест. *gavasna-* в десятом яште Авесты (Gershevitch 1959: 136, в форме ед.ч. род. п. *gavasnahe*). Ранее было ясно, что речь идет о каком-то звере, и Г. Бейли, сопоставив его с указанными совр. перс., хотанск., согдийск. и осетинск. формами, предположил¹, что речь идет об ‘олене’. Эта семантическая интерпретация широко принята в иранистике, см., напр., Sadovsky 2017: 574, но ср. ЭСИЯ III: 207.

Если аналогия с историей слова (*j)efs* | *æfsæ* верна, то для осет. *qwaz* / *ɣæwanz* следовало бы также реконструировать праформу с исходом **-ā* и со значением ‘самка оленя, олениха’. Однако её не предполагает ни одна из форм, засвидетельствованных в иранских языках. Хорезм. *ɣwzn'n* ж.р. ‘олениха’ (при *ɣwz(y)n* ‘олень’ (ЭСИЯ III: 208)) имеет другое словообразование², а заимствованное из персидского пушт. *gāvāz* ‘олень’ образует *gāvāza* ‘лань’ по известной модели на собственно афганской почве, ср. пушт. *shāgərd* ‘студент’ и *shāgərd-a* ‘студентка’; о дискуссии по поводу классификации заимствований в пуштунском см. кратко: Kalinina 1972: 119–121. Такому предположению мешает также отсутствие в дигорской форме конечного *-æ*. Представляет трудности и определение первоначального значения осетинского слова, которое Дж. Чёнг пытался объяснить так: «[с]транно, что *qwaz* употребляется исключительно в отношении самки оленя, тогда как для обозначения оленя-самца используется *sag*. Они могли изначально

¹ Bailey 1933: 69, так Gershevitch 1959: 280, однако см. уже Benveniste 1925: 21.

² Cf. «a few feminines are derived by the formant *-ān*, *gawazn-* (*ywzn*) ‘stag’ > *gawazn-ān* (*ywzn-'n*) ‘hind’» (Durkin-Meisterernst 2010: 345).

обозначать два разных вида оленей: прежде знакомого иран. **gaurazna-* и недавнего (кавказского?) *sag* ‘*Cervus elaphus*’ <...> Этот вид оленя имеет более величественную осанку и более крупные рога, что привело впоследствии к его осмыслению как самца по отношению к *qwaz* и, в конечном счете, стало использоваться для обозначения оленя как вида» (Chung 2008: 302, прим.). Исходя из этого осет. *qwaz* | *ɣæwanz* первоначально могло означать ‘олень’, на что указывает и В. И. Абаев (ИЭСОЯ II, 320).

Однако в языке осетинского фольклора, где собственно говоря, чаще всего и встречается это слово, мы ни разу не находим значения ‘олень’. Ср., помимо примеров, приведенных в (ИЭСОЯ II, 319–20), еще и следующие описания в Нартовском эпосе: *qwaz* | *ɣæwanz* — жвачное животное, которое доят (НК VI: 34) и молоко которого имеет целебные свойства (НК V: 370–71); являясь дочерью солнца, *qwaz* является герою в образе «самки оленя / лани», оборачиваясь в нужный момент писаной красавицей (НК II: 580–583, 645–646). В то же время герои эпоса охотятся на это животное (НК I: 57, 95–96; НК III: 468). Очень важны также толкования к этому зоониму, ставшему уже в конце XIX — начале XX вв. архаизмом. Обычно его объясняют как «сыл саг; сæгуыт» (НК VII: 459), т. е. ‘самка оленя; лань’, «хъуг (сыл) саг» (НК 1946: 386), т. е. ‘корова (самка) оленя’. У одного из фольклористов находим интерпретацию «дзуаргонд сыл саг» (НТХ: 241), т. е. ‘священная самка оленя’, где *дзуаргонд* ‘священный’ — неологизм толкователя. Таким образом, ни в текстах, ни в глоссах к интересующему нас слову нет даже намека на значение ‘олень’. Как же в таком случае объяснить сдвиг значения осетинского *qwaz* | *ɣæwanz*? Очевидно, дело не в семантических преобразованиях на собственно осетинской почве. Напомним, что для праиранского этимона реконструируют два значения: ‘олень’ и ‘лань’, так, в частности, (ЭСИЯ III: 207). Второе значение и могло быть унаследовано в древнеосетинском, дополненное впоследствии также и значением ‘самка оленя’.

Подходы к изучению общеиранского слова

Хотя имеются и попытки объяснить эту всю группу слов как заимствованную (South Central Asian substrate, ср. Witzel

2003: 1–10) исходя из субстратного суффикса *-na-*, так Witzel 2015: 153 и 183, где приводится **gavas-na > gauwasna*, большинство исследователей видит в нем иранское слово. Существует несколько подходов к изучению предьстории иранского **gauāzna-* vel sim. Так, Г. Бейли видел здесь продолжение иранск. **gau-*: *gu-* ‘желтый’ в увязке с хотано-сакским *gvā-* ‘желтый, зеленый’ (Bailey 1979: 87). Конечно, окрас животного мог быть использован в качестве семантического обоснования, о чем свидетельствует достаточно много факторов. Животное получает название по цвету шерсти, ср. осет. *bur* ‘желтый’ (из праиран. **baura-*, ЭСИЯ II: 152), которая этимологически соответствует курд. *bōr(a)* ‘лошадь или собака бурой масти’, и подобных параллелей можно привести немало, ср. Edelman 2009: 144–5 или Dzitstsoity, Falileev 2023: 105 и 111. Это прослеживается и по собственно этимологическим построениям (см. и ЭССЯ II: 194), ср., к примеру, предьсторию русск. *олень* и *лань*: слова родственны не только др.-лит. *elenis*, лит. *ėlnis*, *álnis* ‘олень, лось’ или греч. ἔλαφος ‘олень’, но и д.-в.-н. *ēlo* ‘бурый, желтый’. Примечательно, что недавно К. Витчак объяснил глоссу ἀράνις · ἔλαφος в словаре Гесихия как скифскую в увязке с этой группой слов (Witczak 2023: 96–8). Однако предложенная Бейли этимология была существенно раскритикована, см. ЭСИЯ III: 208 и 246; более того, само х.-сакс. слово *gvā-*, как показал Р. Эммерик (Studies II: 38–9), не означает это понятие и имеет другую предьсторию, см. далее Rossi 2007.

Самая же популярная, пожалуй, этимология видит в этой группе слов продолжение иранск. **gau-*: *gāu-*: *gu-* ‘бык, корова’ < и.-е. **g^hou-* (ЭСИЯ III: 205–7), давшее и осет. *qug* | *γog* ‘корова’ (ИЭСОЯ II: 312). Именно это иранское слово было в свое время принято в качестве отправной точки многими исследователями (ср. уже Bartholomae 1911: 255, Charpentier 1924: 30), и современные реконструкции общеиранского слова сопоставимы, ср. **gauazna-* в Bailey 1946: 768 и Witczak 2023: 97, **gav-āzna-*, **gava-zna-* (Schwartz 1985: 645), **gauazna* (Chung 2008: 302) или **gauadzna-* (Sadovsky 2017: 574), без дальнейших пояснений. К формально сходному иранск. **gau-āzna-* или **gau-asna-* возводятся эти слова и в ЭСИЯ III: 207, где, однако, даются и попытки толкования праформы; ср. Edelman 2009: 137, где также приводится реконструкция **gauāsna-*. При том, что название животного традиционно возводят к слову со зна-

чением ‘бык, корова’, а приводимые реконструкции вполне сопоставимы формально, стратегии же разъяснения праформы могут быть различными. Так, Ярл Шарпантье попытался увидеть здесь симплекс, восходящий к и.-е. **g^uou-ŋ-ĝ^h-no-*, собственно ‘kleiner Stier, kleine Kuh’ (Charpentier 1924: 30–4). В качестве параллели для объяснения *n*-основы исследователь приводит славянск. **gov-ę-do-* (ц.-сл. говадо ‘бык’ и т. д.); о сходном возможном ремоделировании в индо-иранском см. недавно Nikolaev 2021: 148–54. Эта этимология Шарпантье, по понятным причинам, не стала популярной; о суффиксе **-ęd-o-* в слав. **govędo-* см. ЭССЯ 7: 74–5. Добавим, что теоретически можно представить, что оно может восходить и к иранск. **⁹gau-: gū-* ‘звать, взывать, кричать’ звуко-символического происхождения, давшее в язгулямском языке название *осы*, а в др.-инд. — *совы*, см. ЭСИЯ III: 231.

Чаще же всего иранское слово рассматривалось как композит, и касательно интерпретации финальной его составляющей было предложено несколько объяснений. Так, во второй составляющей композита рассматривались рефлексы иранск. глагола **ah- : as- : az* ‘быть, существовать’ (ЭСИЯ I: 87–94) и **až-* ‘гнать’ (ЭСИЯ I: 288–91, ср. **gau-āža-* ‘палка, которой погоняют скот’, ЭСИЯ III: 209), см. (ЭСИЯ III: 207). Подобный анализ не представляется особенно убедительным. С другой стороны, Х. Бартоломе (Bartholomae 1911: 255) увидел в ней существительное, восходящее к иранск. **aža-* ‘коза, козел’ (о котором см. ЭСИЯ I: 292–3, ср. Sadovsky 2017: 574, где приводится реконструкция **adza-*), собственно ‘Rinderziege’ Это предложение получило признание части иранистов (ср. оценку некоторых сторон этой этимологии — прежде всего — семасиологической — в Charpentier 1924: 31), тем более, что подобные композиты издавна реконструируются для иранского, напр. **gau-maiša-* ‘буйвол’, собственно ‘бык’ & ‘баран’, давший, помимо прочего, ср.-перс. *gāwmēs* и кл. перс. *gāvmēš* ‘id.’ (ЭСИЯ III: 208)³, об иранск. **maiša-* ‘баран’ см. ЭСИЯ V: 149–50.

³ Опосредованно заимствовано в цыганский, где слово стало обозначать коня, см. Boretzky 2012: 225. ЭСИЯ III: 207–15 приводит значительное количество и других композитов с этим компонентом. По поводу **gau-maiža-* в авест. *gao-maeza-* ‘коровья моча’ см. комментарий в Dybo 2010: 293–4. Ср. также Edelman 2009: 46.

Действительно, некоторые сходства лани с козой позволяют многим культурам использовать одно и то же слово для их номинации, ср. серб.-хорв. стар. *kòшут* (м. р.) ‘олень’, *kòшута* (ж. р.) ‘лань’, (диал.) ‘корова, коза’ и др. примеры из славянских языков в ЭССЯ 11: 193, или рефлексы слав. **kozul'a* в значениях ‘самка дикой козы’, ‘маленькая корова’ и ‘лось’ ЭССЯ 12: 26. Ср. также ср.-перс. *xar-buz* ‘газель’, собств. ‘осел-коза’ (ЭСКЯ II: 451, или даже ‘большая коза’, см. Dzitstsoyty 2017: 224–6; вопрос предыстории первого компонента — ср. гипотезу о его заимствовании, высказанную в Witzel 2015: 163–4 — в данном случае не важен).

Собственно, именно исходя из реконструкции композита ‘корова’ & ‘коза’ В. И. Абаев (ИЭСОЯ II, 320) и подошел к анализу осет. *qwaz, qawaz* | *ɣæwanz*. Впрочем, уже давно отмечалось (ср. Charpentier 1924: 31), что иранск. **aža-* не является единственным этимологом, давшим лексему ‘козел’ в иранских языках — с ним соперничает **būža-* ‘id.’, см. ЭСИЯ II: 191–2 и особенно — Asatrian, в печати, s.v. 𐬀𐬎 [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. Более того, именно эта праформа дала самое распространенное название животного в иранских языках, см. Sadovsky 2017: 574; ср. также Edelman 2009: 47 и 137. Понятно, однако, что ограниченное распространение рефлексов иранск. **aža-* не может быть рассмотрено как серьезное возражение для предложенной этимологии. Более же существенные возражения вызывают формальные аспекты. Так, В. И. Абаев (ИЭСОЯ II, 320) интерпретирует все эти иранские слова, включая осетинские, как восходящие к **gav-az-na-*, что вызвало нарекания исследователей. Как отмечено в (ЭСИЯ III: 207), «тогда неясен суф. **-na-*; кроме того, сочетание **žn-* должно было дать в большинстве иранских языков, начиная с авестийского, кроме осетинского, рефлекс **žn* или **šn*, чего не наблюдается». Конечно, можно вспомнить и о том, что имеется попытка объяснения *zn* в совр. перс. *gavazn* заимствованием из северо-западного или восточного иранского (Cathcart 2022: 8), однако этим предположением все вопросы, связанные с предложенной этимологией, не решаются. Более того, как отметила А. В. Дыбо (2010: 292) касательно этого фрагмента *Этимологического словаря иранских языков*, «так и остается неясным, считают ли авторы, что это действительно может быть производное на *-na* от сложения с **aža-* ‘коза’, как предполагал В. И. Абаев?». Также не вполне

понятно, что имеется в виду в статье *¹*až-* ‘гнать, погонять; вести’, в конце которой мы читаем «о возможных этимологиях перс. *gavazn* ‘олень’ (связи его с данным корнем или названием камня) см. в статье **gau-*» (ЭСИЯ I: 291): упоминания камня вызывает здесь некоторые вопросы.

Иную интерпретацию этого композита предложил Г. С. Асатрян, который возвел вторую его часть к иранск. **žana-* (< **ǵónh₁-*) ‘race, kind, sort, nature; tribe’, с общим значением ‘sort of cow, cow-like, cattle-like, having bovine nature’. В таком случае составное слово отлично вписывается в целый ряд древнеиранских композитов (ср. авест. *sruuō-zana-*, др. перс. *vispa-zana-* (скт. *viśva-janā-*), *paru-zana-*, и т. д.), так Asatryan, в печати, s.v. وزن گ [gavazn] n. ‘deer, stag, doe, cervus’. Как представляется, этот подход является весьма перспективным. Поскольку мы ознакомились с содержанием этой словарной статьи — благодаря любезности автора словаря — в еще не окончательном виде, мы воздержимся от любых комментариев по поводу деталей предложенного подхода и вернемся к ставшей уже традиционной этимологии этого сложного слова⁴.

Опыт реабилитации подхода В. И. Абаева

Мы хотели бы обратить внимание на то, что олени, лани и другие копытные животные играли огромную роль в традиционной идеологии иранских народов. Они были сакральными и культовыми животными в иранской и собственно осетинской традиции (см. выше, а также: Raevsky 1985: 111–16, 120, 224 для скифской и иранской традиции, и ср. ЭССЯ 11: 194–5 со славянскими данными). Поэтому их названия вполне закономерно подвергались табу. Именно этим объясняется отсутствие в современном осетинском языке этого слова в значении ‘олень’ — на каком-то этапе развития скифо-сарматских наречий оно попало под табу и было заменено словом **sāka-*, букв. ‘сохатый’, совр. осет. *sag*. Ср. еще осетинское *sadžy qug* ‘оле-

⁴ Отметим лишь, что схожее толкование этимона (‘of the bovine kind, akin to the bovine’) было предложено М. Шварцем. Впрочем, исследователь в этом случае основывается исключительно на совр. персидских семантических параллелях и никак не интерпретирует вторую часть реконструкции, которую он приводит как **gav-āzna-* (или **gava-zna-*). См. Schwartz 1985: 645–6.

ниха', букв. 'оленья корова', где *qig* 'корова' восходит к указанному выше **gau-*. Но и слово *sag* впоследствии было табуировано в охотничьем языке, в котором оно «заменяется субститутом *sion*, что, между прочим, является полным синонимом табуированного слова, т. е. означает то же, что и арийск. **saka* 'рогатый'; иными словами, на скифо-осетинской почве название оленя дважды подверглось табуированию, и оба раза субституция шла по одному и тому же пути» (Gusalov 1987: 79). Табу приводили не только к заменам на лексическом уровне⁵, но и к фонетическим деформациям (см. Edelman 2009: 248–9), а иногда и к «запаздыванию» фонетических процессов: ср. осет. *qæwaz* наряду с *qwaz*. Неудивительно поэтому, что в рефлексах иранского **gauzaźna-* vel *sim.* в различных иранских языках не сработали некоторые ожидаемые фонетические изменения.

Исходя из этих соображений можно отметить, что возможность возведения этих слов, включая осет. *qwaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz*, к общеиранской праформе в этой модели — и без обращения к субстрату как к источнику непосредственного заимствования этой лексемы — все-таки имеется. Хотя имеются некоторые сложности в точном определении функции назального суффикса, сам факт наличия *-na* в (индо-)иранских деривациях не вызывает сомнений (ср. недавно Lubotsky 2022), и этот вопрос, в принципе, решаем, см. следующий раздел. Отмеченный же Д. И. Эдельман и В. С. Расторгуевой неожиданный рефлекс **źn-* можно объяснить фонетической деформацией, вызванной табуированием названия оленя. Кроме примеров подобных деформаций, рассмотренных в (Edelman 2009: 248–9), также в этой связи следует упомянуть, что при анализе продолжений общеиранск. культового термина с формально подобной структурой **iaź-na-* 'поклонение (божеству), жертвоприношение' в (ЭСИЯ IV: 121–2) отмечают не только различные отражения группы по разным группам иранских языков, но и возможные перебои «при заимствованиях и иноязычной передаче». Более того, если исходить из понимания праформы как композита с первым компонентом, продолжающим иранск. **gau-*: *gāu-*: *gu-* 'бык, корова', и вторым, содержащим некоторое производное иранского слова, означающего 'козу, козла' (**aźa-* vel *sim.*), то

⁵ Для названий собственно животных в осетинском языке см. в этой связи Gusalov 1987; Falileev 2021, Dzitstsoity, Falilejev, в печати.

последнее составляющее само по себе показывает некоторые нерегулярности в отражении ауслauta. Так, в ЭСИЯ I: 292–3 помимо ожидаемых форм приводятся ср.-перс. *az, azak* ‘коза, козел’, кл. перс. *azg* ‘id.’ и высказывается предположение, что «все эти юго-западные формы с *z* из **ž-*, по-видимому, заимствованы из северно-западных источников или источника»; ср. также ономатопоэтическое объяснение ауслauta ряда иранск. форм, восходящих к **būža-*, в Asatryan, в печати, s.v. 𐭆𐭀 [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. Нерегулярен его рефлекс и в осетинском, где эта праформа отразилось в виде *boz* ‘козел’ при ожидаемом ***buz* | *boz*. Самих же «ожидаемых» форм — за исключением производных — в *Этимологическом словаре иранских языков* мы находим удивительно мало — абдуи *aza* и авест. *aza-* ‘козел’ в *azō sčāēniš* ‘козленок’ (var. *sačāiniš, sačiniš*, см. анализ в Hoffmann 1967: 29f. и далее Gershevitch 1971: 267–69), что уже было отмечено, ср. Edelman 2009: 137. К этим примерам можно добавить скифо-сарматское **aza-* ‘коза’, реконструированное на ономастическом материале (Andronikashvili 1966: 131), но тут мы имеем дело с собственно реконструкцией, а не с реально зафиксированной лексемой. Попутно можно отметить, что часто приводимое во многих словарях и исследованиях (напр., ЭСИЯ I: 292 или Sadvovskiy 2017: 574) перс. *azg* является ghost-word, см. Asatryan, в печати, s.v. 𐭆𐭀 [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. Этимология же многих производных, особенно означающих шкуру или шерсть, может быть и иной; см. также ЭСИЯ I: 145–6 s.v. *²*aiž-*.

Впрочем, в наличии этого слова, означающего ‘козу, козла’ в иранском, не приходится сомневаться. Кроме хотя бы рудиментарной, но все-таки аттестации его в нескольких иранских языках, существование точного соответствия в вед. *ajá-* ‘козел’ и заимствования его общеиранской праформы в тохарский (см. Kümmel 2017: 278 сн. 5) свидетельствуют в пользу этого. На ее происхождение, однако, были высказаны различные взгляды. Традиционно — в том числе, и в увязке с лит. *ožys* ‘id.’ — в ней видят слово индоевропейского происхождения, см. ЭСИЯ I: 292 с библиогр., ср. также Chomičenkienė, Maksvytytė 2002: 57–8 и Pakalniškienė et al. 2008: 47–9, где прабалтийская лексема реконструируется как **āž-īs, *āžē?*. Также следует отметить, что многие исследователи, рассматривая эту индоиранскую праформу, предполагают и её позднее индоевропейское происхождение.

Так, М. Кюммель возводит индоиранск. *gáw- ‘бык, корова’ к прото-и.-е. (PIE) *g^hou-, но индоиранск. *hájá- ‘козел’ — уже к индоевропейскому этимону, Kümmel 2017: 277–8. Заимствование этого слова в кавказские языки неоднократно обсуждались (ср. Bailey 1979: 6, ЭСИЯ I: 293), однако обратный путь этого заимствования также регулярно предлагался, ср. Witzel 2003: 20–1, где указано, что «[a]pparently the word has been taken over several times, and in varying Macro-Caucasian dialect forms» (с. 21). Исходя из этого можно теоретически допустить, что в финальной части этого композита мог уже быть согласный (или группа согласных), отличный от *ž, ср. реконструкции *gawážna-, *gawasna- и *gawášna- в Edelman 2009: 137, см. также Asatrian, в печати, s.v. وزن گ [gavazn] n. ‘deer, stag, doe, cervus’, где рассматриваются флуктуации в финале композита.

В любом случае, сакральность животного и, соответственно, его табуированность на языковом уровне могла привести и к фонетическим деформациям даже при ожидаемых рефлексам ауслота финальной составляющей этого композита, в чем, впрочем, можно допустить и сомнения.

Финальный -n.

Критические соображения В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман по поводу предложенного В. И. Абаевым анализа распространяются не только на историческую фонетику, но и на морфологию: «тогда неясен суф. *-na-» (ЭСИЯ III: 207). Примечательно, что исход на *-n- встречается и в собственно названиях животных в разных индоевропейских языках (ср. др.-русск. ягнъ, лат. *agnus*, греч. ἄμνος, русск. *ягненок*), в том числе — и иранских. Достаточно вспомнить здесь об общеиранском *ažina- ‘ёж’, реконструируемом на основании осет. *wuzyn / uzyn* ‘id.’. Ранее этот зооним возводили к названию змеи (ср. ЭСИЯ I: 296), однако сейчас связывают со словом, обозначающим шипы (колючки), см. Lühr 2014: 25–26 и Ackermann 2022: 39–42 с богатейшей библиографией. Об этой группе слов в рамках балто-индоиранских построений ср. также Chomičienė, Maksvytė 2002: 84–5, и см. великолепное обсуждение индоевропейской составляющей этимологии в (Lühr 2014, s. v. *igil*) и Ackermann 2022: 39–42 с различными возможными идентификациями -n-.

Также следует отметить, что осетинское название ежа само по себе является — как и в многих других языках — наименованием опосредованным (что немаловажно и для предлагаемых рассуждений), и, как отмечал В. И. Абаев, «[о]гласовка *uzun* (вместо **æzin*) доставляет трудности; табуистические деформации?» (ИЭСОЯ IV: 129), что тоже релевантно в рамках этой работы. Впрочем, Дж. Чёнг (2008: 346) уже отметил, что в этих построениях не упоминаются иранские формы со значением ‘ёж’, представленные авест. *dužaka-*, перс. *žūža*, etc., о которых см. Asatryan, в печати, s.v. هژوژ [žūža] n. ‘hedgehog’ и ср. Witzel: 2015: 162 об их субстратном происхождении и ЭСИЯ IV: 149 («возможно, это индоиранское звуко-символическое слово, связанное с табуированием»).

Согласно Д. И. Эдельман (2009: 138) суффиксальное *-*na*, к примеру, представлено и в иранских названиях барашка, ягненка, что можно было бы сопоставить с реконструкцией иранского названия оленя В. И. Абаевым. Однако, см. справедливое соотнесение этих слов с *n*-основой в ЭСКЯ I: 119, а о различных реализациях и.-е. **urh₁-en-* ‘ягненок’ (ср. Kümmel 2017: 278) в индоиранском см. (недавно) Nikolaev 2021: 154–57. Конечно, о суффиксе *-na-*, *-ana-* идет речь при обсуждении древнеиранского словообразования (ср. Skjærvø 2007: 902), но при этом следует всецело учитывать комплексную проблему диахронической хронологии. Представляется правдоподобным в принципе, что предложенная Абаевым реконструкция этимона как **gav-az-na-* не рассматривает суффиксальное *-*na* (< и.-е. *-*no-* ?), и является, собственно, скорее дескриптивной и ахронической, нежели фактической и исторической: возможно, уместней была бы ее подача как **gav-az-n-a-*. Что касается суффиксов на *-n-* (различного и.-е. происхождения, см. недавно Lubotsky 2022, об индоевропейской составляющей ср. велико-лепный обзор в Olsen 2004), то они хорошо засвидетельствованы в индо-иранском и в других ветвях индоевропейского.

Попутно можно добавить, что спорадическое появление финального неэтимологического *-n* (как и *-m*) известно многим современным иранским языкам, ср. белуджск. *idān* ‘здесь’ наряду с ожидаемым *idā* (авест. *ida*), см. список примеров в Mahmoudzahi et al. 2019: 22–3. Оно известно и в более раннюю эпоху, напр. класс.-перс. *adīm* ‘дубленая кожа’ с «неясным происхождением *m*» (ЭСИЯ I: 292), ср. появление неэтимологичес-

кого *-n-* и других фонетических вкраплений в заимствованиях в согдийский, рассмотренные и проанализированные П. Б. Лурье (Lurje 2020). В этой связи следует обратить внимание на курдское обозначение козы *bizin*, восходящей к вышеупомянутому иранск. этимону **būza-*. Как отмечает Р. Л. Цаболов, наращение *-n* отличает это курдское слово от рефлексов того же этимона в других иранских языках. Он приводит параллель тому в цыганском *buzni* ‘id.’, и это, с его точки зрения, «позволяет предположить индоиранскую праформу с наращением *-n*» (ЭСКЯ 1, 194). Это предложение также позволяет, на первый взгляд, поставить вопрос, не могло бы подобное (неэтимологическое) наращение появиться уже на более раннем этапе в иранских формах, восходящих к **aža-*. Однако подобный подход, представляется маловероятным. Так, Г. С. Асатрян объясняет сразу несколько восходящих к этому этимону северо-западных иранских форм с наращением *-n* внутренним — и вполне этимологическим — развитием, см. Asatrian, в печати, s.v. 𐭆𐭀 [buz/boz] n. ‘goat; she-goat’. О цыганск. *buzni* см. Boretzky 2012: 219 и ср. цыганск. *guruvo* ‘бык’ и *gurunni* ‘корова’. Немаловажно и то, что для объяснения упомянутых белуджских примеров с наращением неэтимологического *-n* приводятся разумные внутрисистемные соображения (Mahmoudzahi et al. 2019). Таким, образом, такой анализ представляется неоправданным.

В связи с этим идентификация суффиксального компонента на *-n-* в предложенной В. И. Абаевым этимологии вновь становится актуальной и необходимой. Отсутствие подобного образования в других продолжениях прото-индо-иранск. **hajá-* ‘козел’ (в нотации М. Кюммеля) или сопоставимых балтийских словах (ср., однако, лит. ороним *Ūžnugaris*, *Ožnugarys*, *Ūžnugaris*, Rakalniškienė et al. 2008: 48, который может быть и новообразованием), как и возможность заимствованного происхождения этимона⁶, не позволяют рассматривать его наряду с вышеупо-

⁶ Чисто теоретически можно было бы допустить, что были заимствованы как «простая» основа, так и расширенная с помощью *-n*, представленная исключительно во второй части этого иранского компонента. Это допущение принимает во внимание предположение о заимствовании «разнообразных макро-кавказских диалектных форм» («varying Macro-Caucasian dialect forms»), в том числе — и с

мянутым иранск. **iaž-na-* ‘поклонение (божеству), жертвоприношение’. Этому препятствует и очевидно деноминативный характер рассматриваемого образования. Следует отметить, впрочем, что высказывалось мнение (Kroonen 2011: 32), согласно которому суффикс *-na-* в авестийском уже не полностью ассоциировался с отглагольной деривацией, но это нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем изучении. В любом случае, сходные возражения также не позволяют непротиворечиво рассматривать в этой связи и многие другие модели использования суффикса на *-n-*, одно перечисление которых заняло бы слишком много места, но теоретически могло бы объяснить иранский этимон.

Впрочем, такие возможности все-таки имеются, и, в частности, можно предположить использование суффикса **-man-* при образовании этого иранского композита. О его функционировании в иранском словообразовании имеется значительная литература: он описывается в сравнительно-исторических грамматиках иранских языков, и ему посвящено, к примеру, отдельное исследование Ш. Маламуда, в котором рассматриваются различные аспекты, включая валентность, семантику, типы основ, к которым он может присоединяться и т. п. (Malamoud 1975). Весьма важна для предлагаемых построений его зафиксированная в иранском реализация как *-n*; индо-европейское обоснование развития **-man-* > **-mn-* > *-n* см. в работе Nussbaum 2010. Так, показательным является случай авест. *raoyna-* ‘масло’ и пр., в котором В. Уитцел, как и в слове, рассматриваемом в настоящей работе, также усмотрел «субстратный суффикс» *-na-* (Witzel 2015: 167). В этом нет никакой необходимости — не имеющее др.-инд. параллелей общеиранское слово (см. ЭСИЯ VI: 411–3) имеет точные совпадения в германском, и в суффиксе видят отражение **-man-* (> *-n*), так уже Schwyzler 1907. В данном случае мы имеем дело с отглагольным образованием, и Г. Кроонен (Kroonen 2011: 187) реконструирует праформу **Hreu(H)g^h-men-* для германского и объясняет авестийское слово как восходящее к **Hreu(H)g^h-mno-*. Однако также известны и формально более близкие случаи — к примеру, авест. *paθman-* ‘путь’ (ср. *panti-*, *paθ-* ‘id.’) является производным с этим суф-

назальным сегментом (Witzel 2003: 21). По понятным причинам эта линия аргументации является трудно доказуемой.

фиксом (< **paθ-man-*), к иранск. **pantā-* : **paθā-*, см. Malamoud 1975: 405 и ЭСИЯ VI: 123–27; см. также Kroonen 2011: 135 и 208 (с библиографией) по поводу индо-иранской праформы. Также немаловажно, что тематизация слов, восходящих к *n*-основам, известна в индоевропейских языках, ср. Olsen 2004: 242–4, и (индо-)иранский, конечно, не является здесь исключением, см. недавно Nikolaev 2021: 148–56. Это относится и к формированиям на **-man-*, что при таком подходе позволяет объяснить форму генитива, присущего тематическим основам (ср. Skjærvø 2007: 922) в единственном засвидетельствованном случае использования рассматриваемого авестийского слова, *gavasnahe* (Gershevitch 1959: 136). Параллели тому в тексте Авесты известны, ср. форму родительного падежа *yātumanahē* (Y 8.4) другого производного с этим же суффиксом *yātuman-*, см. Malamoud 1975: 397 с обзором старой литературы.

Заключение

Рассмотренные подходы к анализу осет. *qʷaz*, *qæwaz* | *ɣæwanz* ‘лань’, согд. *ɣʷzn* ‘олень’ или ср.-перс. *gwʷzn* ‘олень, лань’, рассматривают общеиранскую праформу либо как простое слово, либо как составное. Отправной точкой большинства этимологических построений служит рефлекс иранск. **gau-*: *gāu-*: *gu-* ‘бык, корова’.

При рассмотрении этимона как сложного слова с первым компонентом ‘бык, корова’ возможно несколько интерпретаций его второго компонента. При этом попытки увидеть иранск. **ah-* : *as-* : *az* ‘быть, существовать’ или **až-* ‘гнать’ нуждаются в более надежных семантических параллелях. Возведение второй части сложного слова вслед за Г. С. Асатрянном к иранск. **žana-* (< **ǵónh₁-*) ‘sort of cow, cow-like, cattle-like, having bovine nature’ фонетически безупречно и семантически достаточно привлекательно.

Восходящая к Х. Бартоломе и более детально разработанная В. И. Абаевым гипотеза, основанная на рефлексе иранск. **aža-* ‘коза, козел’ (собственно ‘бык’ & ‘козел’), удачна семантически и согласуется с моделью номинации иранских названий животных, ср. **gaṷ-maiša-* ‘буйвол’, собственно ‘бык’ & ‘баран’. Однако такая этимология неудовлетворительна с фонетической и морфологической стороны, но сакральный характер слова

позволяет предполагать значительные возможности фонетической деформации в окончании второй части композита. Субстратное происхождение праформы — в связи с возможностью её иранской реконструкции — представляется менее вероятным.

Сокращения

- ИЭСОЯ = Abaev, V. I. 1958–1995: *Istoriko-etimologičeskij slovar’ osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vols I–V. Moscow; Leningrad.
Абаев, В. И. 1958–1995: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Л.
- НК = *Narty Kaddzhytæ. Iron adæmy epos*. Comp. T. A. Khamitsaeva, ed. Sh. F. Dzikaeva. T. I–VII. Dzæudzhikhæu, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
НК = *Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос*. Сост. Т. А. Хамицаева, под ред. Ш. Ф. Джикаева. Т. I–VII. Дзæуджыхъæу, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
- НТХ = *Narty taurægætæ ætæ habærttæ*. Comp. A. Kh. Vyazirov. Tskhinvali, 1973.
Нарты таурæгътæ æтæ хабæрттæ. Сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал, 1973.
- ЭСИЯ = Rastorgueva V. S., Edelman D. I. 2000–2020: *Etymological Dictionary of Iranian Languages*. T. 1–6. Moscow.
Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–6. М., 2000–2020.
- ЭСКЯ = Tsabolov, R. L. 2001, 2010: *Etymological dictionary of the Kurdish language*. Vols 1–2. Moscow.
Цаболов, Р. Л. 2001; 2010: *Этимологический словарь курдского языка*. Том 1–2. М.
- ЭССЯ = *Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund*. T. 1–41 Moscow, 1974–2018.
ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Т. 1–41. М., 1974–2018.

Библиография

- Ackermann K. A note on another source of root-extension in IE. The “deep” morphology in OCS adv. *skvozě* ‘through’ and related cases. *Acta Linguistica Petropolitana*. V. 18/1. 23–47.
- Andronikashvili, M. K. 1966: *Očerki po iransko-gruzinskim yazykovym vzaimootnošeniyam* [Essays on Iranian-Georgian language relations]. Tbilisi, (in Georgian).
Андроникашвили М. К. 1966: *Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям*. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).

- Asatrian, G. *Etymological Dictionary of Persian*, forthcoming.
- Bailey, H. W. 1979: *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge.
- Bailey, H. W. 1946: Gāndhārī. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. V. 11, 764–797.
- Bailey H. W. 1933: Iranian Studies II. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. V. 7, 69–86.
- Bartholomae, C. 1911: Mitteliranische Studien I. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. V. 25, 245–262.
- Benveniste, E. 1925: On three names of beings in the Avesta. *The Journal of the K. R. Cama Oriental Institute*. V. 5, 20–21.
- Boretzky, N. 2012: *Studien zum Wortschatz des Romani*. I. *Erbwörter des Romani*. II. *Iranismen und Armenismen des Romani*. Велико Търново.
- Cathcart, C. A. 2022: Dialectal Layers in West Iranian: A Hierarchical Dirichlet Process Approach to Linguistic Relationships? *Transactions of the Philological Society*. V. 120/1, 1–31.
- Charpentier, J. 1924: Beiträge zur indoiranischen Wortkunde. *Le Monde Oriental*. T. 18, 1–45.
- Chomičėnkiėnė, A., Maksvytytė, V. 2002: Žvėrių ir gyvulių pavadinimai baltų ir indoiranėnų kalbose. *Acta orientalia Vilnensia*. T. 3, 48–65.
- Chung, J. 2009: *Očerki istoričeskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Essays on the historical development of Ossetian vocalism]. Vladikavkaz.
- Чėнг Дж. 2009: *Очерки историчeskого развития осетинского вокализма*. Владикавказ.
- Durkin-Meisterernst, D. 2010: Khwarezmian. *The Iranian Languages*. London; New York, 336–376.
- Dybo, A. V. 2007: [Rec. on:] V. S. Rastorgueva, D. I. Edelman. [Etymological dictionary of Iranian languages. T. III. M.]. In: *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. M., 2010, 288–298.
- Дыбо, А. В. 2010: [Рец. на:] В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. III. М., 2007 // *Этимология 2006–2008*. М., 288–298.
- HEDOL / ИЭСОЯ = Abaev, V. I. 1958–1995: *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vols I–V. Moscow; Leningrad.
- ИЭСОЯ = В. И. Абаев. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.
- Dzitstsoity Yu., Falilejev, A. Ossetic Boar, в печати.
- Dzitstsoity, Yu. A. 2017: Towards Ossetian-Persian lexical connections. In: *Skifo-alanskoye nasledije Kavkaza* [Scythian-Alanian heritage of the Caucasus]. Vladikavkaz, 211–232.
- Дзицойты, Ю. А. 2017: К осетино-персидским лексическим связям. *Скифо-аланское наследие Кавказа*. Владикавказ, 211–232.

- Dzitssoity, Yu. A., Falileev, A. I. 2023: [Magic bead of Ossetians: philological and linguistic analysis]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. Т. 5, 101–116.
Дзиццойты Ю. А., Фалилеев А. И. Волшебная бусина осетин: филологический и лингвистический анализ. *Вопросы языкознания*. 2023. Т. 5. С. 101–116.
- Edelman, D. I. 2009: *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. [Comparative grammar of East Iranian languages]. Vocabulary. Moscow.
Эдельман, Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика*. М., 2009.
- EDIL / ЭСИЯ = Rastorgueva V. S., Edelman D. I. 2000–2020: *Etymological Dictionary of Iranian Languages*. Т. 1–6. Moscow.
ЭСИЯ = *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–6. М., 2000–2020.
- EDKL / ЭСКЯ = Tsabolov, R. L. 2001, 2010: *Etymological dictionary of the Kurdish language*. Vols 1–2. Moscow.
ЭСКЯ = Цаболов, Р. Л. 2001; 2010: *Этимологический словарь курдского языка*. Том 1–2. М.
- EDSL / ЭССЯ = Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. Т. 1–41 Moscow, 1974–2018.
ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Т. 1–41. М., 1974–2018.
- Falileev, A. I. 2021: [Comments on one Ossetian etymology]. In: *ALLON. To the 60th anniversary of the Honored Scientist of the Republic of South Ossetia, Professor Yu. A. Dzitssoity*. Moscow, 9–18.
Фалилеев А. И. Комментарии к одной осетинской этимологии. In: *ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты*. М., 9–18.
- Gershevitch, I. 1971: Iranian words containing *-ā/ān-*. *Iran and Islam. In Memory of the Late Vladimir Minorsky*. Edinburgh, 267–291.
- Gershevitch, I. 1959: *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge.
- Gusalov, V. M. 1987: [Verbal taboo in Ossetian]. In: *Problemy osetinskogo yazykoznaniiya* [Problems of Ossetian linguistics]. Ordzhonikidze. Vol. 2. pp. 64–82.
Гусалов В. М. Вербальное табуирование в осетинском. *Проблемы осетинского языкознания*. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2, 64–82.
- Kalinina, Z. M. 1972: *Ocherki leksikologii sovremennogo pushtu* [Essays on the lexicology of modern Pashto]. Moscow.
Калинина З. М. *Очерки лексикологии современного пушту*. Москва, 1972.
- Kroonen, G. 2011: *The Proto-Germanic n-stems. A study in diachronic morphophonology*. Amsterdam.
- Kümmel, M. J. 2017: Agricultural terms in Indo-Iranian. In: *Language dispersal beyond farming*. Amsterdam, Philadelphia, 275–290.

- Lubotsky, A. 2022: Young Avestan *pašne* and its etymology. *Acta Linguistica Petropolitana*. V. 18, 216–225.
- Lühr, R. et al. 2014: *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen*, Band 5, *iba — luzzilo*. Vandenhoeck & Ruprecht,
- Lurje, P. 2020: Buddhist Indian Loanwords in Sogdian and the Development of Sogdian Buddhism. *Entangled Religions*. V. 11.6, 22–27.
- Mahmoudzahi, M., Korn, A., Jahani, C. 2019: Synchronically unexpected /n/ in the Balochi dialect of Iranshahr // *Orientalia Suecana*. V. 62–68, 20–30.
- Malamoud, C. 1975: Remarques sur les dérivés indo-iraniens en *-man*. *Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste*. Louvain., 397–406.
- Miller, W. 1903: *Die Sprache der Osseten*. Strassburg.
- Nikolaev, A. 2021: YAv. *Spitiura-* and the Compositional Form of PIE **urh₁-en-* ‘Lamb’ in Indo-Iranian. *Indo-Iranian Journal*. V. 64, 145–162.
- NK / HK = *Narty Kaddzhytæ. Iron adæmy epic*. Comp. T. A. Khamitsaeva, ed. Sh. F. Dzikaeva. T. I–VII. Dzæudzhikhæu, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
HK = *Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос*. Сост. Т. А. Хамицаева, под ред. Ш. Ф. Джикаева. Т. I–VII. Дзæуджыхъæу, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
- NTH / HTX = *Narty taurægætæ æmæ habærttæ*. Comp. A. Kh. Byazirov. Tskhinvali, 1973.
HTX = *Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ*. Сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал, 1973.
- Nussbaum, A. 2010: PIE *-Cmn-* and Greek τρᾶνῆς ‘clear’. In: *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European Studies in Honor of H. Craig Melchert on the Occasion of His Sixty-fifth Birthday*. Ann Arbor, 269–77.
- Olsen, B. 2004: The complex of nasal stems in Indo-European. In: *Indo-European word formation*. Copenhagen, 215–248.
- Pakalniškienė, D., Kaukienė, A., Laučiūtė, J. 2008: Baltų kalbų žodynas (A). In: *Res humanitariae*. T. 4, 8–53.
- Raevsky, D. S. 1985: *Model' mira skifskoy kul'tury [Model of the world of Scythian culture]*. Moscow.
Раевский Д. С. *Модель мира скифской культуры*. М., 1985.
- Rossi, A. V. 2007: More Khotanese colours. In: *Iranian Languages and Texts from Iran and Turan*. Wiesbaden, 343–354.
- Sadovski, V. 2017: The Lexicon of Iranian. In: *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*. Berlin, Boston, 566–599.
- Schwartz, M. 1985: The Religion of Achaemenian Iran. In: *The Cambridge History of Iran*, vol. 2. Cambridge., 664–697.
- Schwyzler, E. 2007: Nhd. *Rahm* : jgav. *raouna*. In: *Indogermanische Forschungen*. B. 21, 180–182.

- Skjærvø, P. O. 2022: Avestan and Old Persian Morphology. In: *Morphologies of Asia and Africa*. Winona Lake, 853–940.
- Studies = Emmerick, R. E., Skjærvø, P. O. (et al.). *Studies in the Vocabulary of Khotanese*. I–III. Wien, 1982–1997.
- Witczak, K. 2023: Scytyjskie zoonimy w leksykonie Hesychiosa // *Prace Językoznawcze*. T. 25, 91–107.
- Witzel, M. 2003: *Linguistic Evidence for Cultural Exchange in Prehistoric Western Central Asia*. Philadelphia.
- Witzel, M. 2015: The Central Asian substrate in Old Iranian // *Mother tongue*. V. 20, 149–178.